

Дорогу жизни перекрыл «Метрострой»

3 окт. 1993.

За право помочь себе самому требуется взятка

VII

Елена ВАСИЛЬКОВА

Ударил его подло, сзади Виктор сначала и не понял, что ножом. Теряя сознание, услышал как в тумане: «Да это же не он!»

Ему было двадцать пять, когда врачи вынесли приговор: полная неподвижность. А он твердил: «Буду я еще ходить, увидите!»

Свой тренажер он видел даже во сне. Днем чертил, мастерил. Друзья с завода, на котором он раньше работал, принесли по его просьбе обрезки фанеры.

Первый шаг он сделал в одиночестве. Когда пришла мать, пошел к ней на встречу:

- Я же говорил, что пойду!..

Тогда ему казалось, что его аппарат заинтересует специалистов. Ведь в нем нуждаются сотни таких, каким был недавно сам.

Но от него отмахивались. И не только в Махачкале, где он тогда жил, но и в Москве. Он бы, наверное, все-таки добился своего. Но в один день проклятая случайность перечеркнула все.

...Виктор уже снял свой аппарат, с которым не расставался шесть лет. Шел по улице, и вдруг - яблочный огрызок...

Он упал, и с ужасом осознал, что не может не только подняться, но даже шевельнуться. Позже, когда он все-таки поднялся, не смог избавиться от острой боли в пояснице. Началась гангрена.

Когда ему отрезали одну ногу, он уже понимал, что не спасти и вторую. И теперь никакой аппарат не поможет. И протезы тоже. Ему в больнице прямо сказали: при такой ампутации это не реально. К тому же травма позвоночника. Но он ответил: «Даже если у меня останется одна голова, то и она будет ходить!»

Сейчас в Москву на Страстной бульвар, 7 Виктору Лизункову звонят и пишут не только из России. О его протезном предприятии «Инватехника» знают многие. И по телевизору показывали, и в газетах писали. Но без подробностей.

После ампутации был момент, когда он даже не чертил. Ничего не клеилось. Он толком себе и не представлял, какими они должны быть, его протезы. Ведь ничего подобного в мире еще не изготавливалось. Как врачи сказали? Не на что надевать. А уж ходить!..

Он понял, что нашел именно то, заветное, что давно искал, совсем неожиданно, в гараже, куда его изредка приносили верные друзья-автомобилисты. Не отрываясь, смотрел на большой гаражный крюк, который висел, покачиваясь из стороны в сторону: Виктор даже застонал от радости.

- Ребята, да ведь это нога!.. Вот такой она должна быть. Скорее тащите меня домой!

И снова в каком-то яростном экстазе он строил, пил.

Ставили его на ноги в том же гараже. Поставили, застегнули, и он шагнул. Ноги передвигались сами, он лишь мысленно управлял ими, распределяя центр тяжести тела. Ноги, его ноги, слушались его!

В Москву, друзьям, он позвонил и сказал, что придет на пару дней. И предупредил: «Не встречайте, доберусь сам».

Друзья его ждали, поминутно выглядывая в окно. Ждали, что придет на инвалидной коляске, собирались спускаться за ним. Но вот звонок в дверь. Виктор стоял и улыбался. Стоял на ногах...

- Но удивлялись и помогали мне тогда только мои друзья, - говорит Виктор. - Пробить же чиновников оказалось делом весьма непростым.

Лизунков писал в институты, министерства, в газеты. А потом стал сам обивать пороги многих заведений. Показывал специалистам свой уникальный протез, убеждая наладить массовое производство - ведь столько в стране таких, как он! И многие уже простились с мечтой - ходить.

Но ему везде вежливо отказывали. И находили в его конструкции ряд недостатков. От бесконечных хождений у Виктора открылись раны, и он опять попал в больницу. Все, сказал он себе, полежу, отдохну и домой!

Мальчишко, которого он увидел в палате, было на вид лет десять. Но глаза такие взрослые, печальные.

- Ты чего киснешь?

Тот молча откинул одеяло и отвернулся к стене. Одной ноги у него не было совсем, от второй осталась лишь короткая культя.

- Под поезд попал, - прошептал мальчик. - Врач сказал, протезированию не подлежу...

- А я говорю, будешь ходить! - возразил Виктор.

Врач отделения слушала объяснения Лизункова очень внимательно. А потом сказала коротко: «Делайте».

И превратилась палата в мастерскую. Целый день донесился оттуда визг пилы и напильника.

- Все будет нормально! - успокаивал Виктор не то себя, не то своего маленького друга, надевая на него готовые протезы. Надел, подтолкнул:

- Топай!

Мальчишка шагнул и засмеялся. Шагнул еще, еще и смех его, веселый, радостный все перевернул тогда в душе Виктора.

- Мы еще повоюем, повоюем! - словно давал он себе клятву не отступать.

И не отступил. Добился-таки! Лучший авторское свидетельство. И задумал открыть в столице кооператив «Инватехника».

...А я вспоминаю нашу первую с ним встречу. Виктор сидел на диванчике, прикрытый шубейкой, а его ноги - в ботинках и туфлях стояли рядом, сами по себе. Зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. Перехватив мой взгляд, он извинился: «Врачи не разрешают ходить на протезах больше двух часов в день». Но ему приходилось иногда не снимать их чуть ли не сутками. Например, когда пробивал помещение для своего кооператива.

«Инватехнике» выделили несколько комнат на первом этаже заброшенного деревянного строения в глубине одного из московских дворов. Горы мусора, вода по шиколотку. Пол земляной, потолок вот-вот обрушится. Такую заботу, и то под нажимом общественности, прессы и вышестоящих организаций, проявил тогда исполком Свердловского райсовета Москвы об инвалидах. Тех, кто пришел работать в «Инватехнику», и тех, для кого это предприятие создает свою продукцию.

Возникал, правда, и резонный вопрос: есть у нас протезные заводы, зачем полукустарной «Инватехнике» тягаться с ними?

- Заводы только подгоняют так называемые гильзы культы-приемника, мы же чаще всего делаем их сами, - объяснял Виктор.

К тому же то, что творят мастера из «Инватехники», на заводах не делают. Во всяком случае на наших.

Как-то пригласил меня Виктор в одну из московских больниц: «Посмотришь, как мы нашей пациентке протез подгонять будем».

Девушку вывезли из операционной, едва она отошла от наркоза.

- Ну что, не передумала, согласна? - спросил ее Виктор.

- Не передумала.

В узкой, тесной процедурной больницы девушку уже ждали сотрудники Лизункова - хирург и протезист. В тот день они впервые испытывали свой метод - под культю отрезанной ноги тут же готовился протез.

- Пока Таня будет лечиться, раненая ткань потихоньку привыкнет к нему. Но главное, девушка сразу же встанет на обе ноги, - сказал Виктор. - А это так важно морально!

Ему бы расширить производство. Но нет денег ни на строительство, ни на ремонт. Не на протезах же богатеть!

Плата в «Инватехнике» умеренная. К тому же Лизунков договорился с московским Управлением социальной защиты, что те будут оплачивать протезы, изготовленные для москвичей. Хотелось бы, чтобы такое же положение распространилось и на жителей других городов России.

А еще Виктор Лизунков мечтает о своей небольшой гостинице, в которой бы останавливались приезжие в ожидании изготовления протеза. И о новом центре реабилитации мечтает.

Еще совсем недавно он у них был. Небольшой зал с так называемой «дорогой жизни». По ней ходили те, кто надел новый протез. С помощью специального электростимулятора при ходьбе укреплялись травмированные мышцы. Каждый день здесь «накрывали» свои десятки метров несколько человек.

Я пишу в прошедшем времени, потому что зала этого теперь у «Инватехники» нет. Отобрали, теперь его владелец богатый «Метрострой». Не знаю уж, на какие нужды он приспособит этот зал, но пока помещение пустует. А инвалидам тренироваться негде.

В поисках денег (не с протянутой же рукой ходить постоянно, говорит Виктор) «Инватехника» решила стать соучредителем одного из банков, который пообещал помочь в ремонте и строительстве. Но не тут-то было. Чиновники заломили такую плату за аренду помещения, что банку только на нее и работать. А сколько взяток пришлось дать деятелям бывшего Моссовета! И не стыдно было брать с инвалидов, с тех, кто, отчаявшись получить помощь, решил помочь и самим себе, и товарищам по несчастью.

P. S. Когда готовился к печати материал, узнала, что один из российских банков - «Межэкономбанк» выразил готовность бескорыстно помочь «Инватехнике».